

УДК 86.38

ИД АЛ-АДХА: СПОРЫ, ЗНАЧЕНИЕ И ПРАВИЛА ПРАЗДНИКА

Спивак И. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Ispivaq@mail.ru*

Процесс формирования мусульманской обрядности протекал в условиях острой полемики между зарождавшимся исламом, язычниками и представителями иудейско-христианской традиции. Одним из результатов этой полемики явилось переосмысление языческих обрядов паломничества к святыням Мекки и учреждение пророком Мухаммадом исламских обрядов хаджа. Кульминацией этих обрядов стал праздник жертвоприношения, связанный с преданием о жертвоприношении Ибрахима. Анализ имеющихся источников, посвященных «прощальному паломничеству» пророка и календарной реформе, возвратившей мусульман к лунной системе счета времени, позволяет сделать вывод о том, что главным фактором, под действием которого произошло окончательное оформление ритуалов хаджа, стала полемика с иудеями, проживавшими на территории Аравии. Сопоставление иудейской традиции о жертвоприношении Авраама с мусульманским преданием об Ибрахиме, анализ имеющихся данных о кровавых жертвоприношениях аравийских язычников, позволяют выявить религиозное содержание мусульманского обряда жертвоприношения. Изучение развития предания о жертвоприношении Ибрахима в традиции комментаторов Корана приводит к выводу о том, что в дальнейшей полемике с иудеями первостепенное значение приобретает вопрос об Исмаиле и Исхак: кто из них был предназначен в жертву? Анализ аргументов, выдвинутых мусульманскими полемистами, позволяет выявить значение этого вопроса для мусульманской традиции.

Ключевые слова: жертвоприношение, Ибрахим, искупление, Исмаил, Исхак, иудеи, Мухаммад, полемика, традиция.

Обряды хаджа (حجّة) и, являющийся их частью, праздник жертвоприношения (عيد الأضحى ид ал-адха), приходящийся на 10-е число двенадцатого месяца зу-л-хиджжа (ذو الحجة) лунного календаря, завершают годовой ритуальный цикл праздников, памятных дней и ночей в исламе. Абу Рейхан ал-Бируни, говоря о памятных днях в зу-л-хиджжа, сообщает: «Десятый день называется «днем жертв» и «днем заклания», ибо в этот день закладывают жертвенных животных и животных, приводимых для жертвоприношения в Мекку. Это последний день паломничества. В этот день Измаил, обреченный на заклание, был выкуплен барашком. Говорят, что в этот день был сотворен мост «сырат», ведущий к месту расчета и суда над умершими» [1, с. 382]. Каждый мусульманин, имеющий материальную и физическую возможность, обязан совершить хадж, хотя бы раз в жизни. Эта обязанность нашла свое отражение и была закреплена в тексте Корана: «А у Аллаха на людях обязательство хаджа к дому, – для тех, кто в состоянии совершить путь к нему» (III: 91/97) [2].* Коранический текст, наряду с предписанием относительно совершения хаджа в целом, содержит и указание на обряд жертвоприношения: «И завершайте хадж и посещение ради Аллаха. Если вы

* Здесь и далее коранические цитаты и ссылки на коранический текст приводятся по изданию: Коран / Пер. с араб. и комм. И. Ю. Крачковского. – Баку: Язычы, 1990.– 744 с.

затруднены, то – то из жертвенных животных, что легко. И не брейте своих голов, пока не дойдет жертва до своего места» (II: 192/196). И далее: «Гучных Мы сделали для вас из отмеченных для Аллаха; для вас в них благо. Поминайте же имя Аллаха над ними, стоящими в ряд. А когда их бока повергнутся, то ешьте их и кормите сдержанного и просящего стыдливо. Так Мы подчинили их вам, – может быть, вы будете благодарны» (XXII: 37/36). В соответствии с традицией, исламские обряды хаджа были определены Мухаммадом во время «прощального паломничества» в 632 г. [3, с. 261]. Как свидетельствует Ибн Хишам (ум. в 834 г.): «Совершая паломничество, Пророк показал паломникам их обряды, учил их тому, что вменил Аллах в обязанность паломников: места предстояния, бросания камней, обхождения вокруг Каабы, что им разрешено во время совершения паломничества и что запрещено» [4, с. 440]. Выделение праздника жертвоприношения в качестве главного, называемого по традиции «большим» (عيد الكبير), в противоположность «малому» (عيد الصغير) – празднику разговения (عيد الفطر), в годовом ритуальном цикле, нуждается в своем объяснении. Учитывая, с одной стороны, связь этого праздника с фигурой пророка Ибрахима (إبراهيم), а, с другой, существование обрядов хаджа и кровавых жертвоприношений у доисламских арабов, место, роль и значение ид ал-адха в истории ислама, по нашему мнению, следует рассматривать в контексте процесса ритуально-догматического обособления мусульманской уммы (أمة) от представителей других религиозных традиций.

Следует отметить, что такой подход к проблеме догматического обоснования мусульманских обрядов, связанных с Меккой и храмом Каабы (كعبة), используется в научной литературе уже со второй половины XIX века. Первым из европейских ученых, кто подверг обстоятельному анализу обряды хаджа, был голландский востоковед Христиан Снук Хюргронье (1857–1936 гг.). В 1880 г. им была подготовлена докторская диссертация «Het Mekkaansche Feest» («Мекканский праздник»), в которой, среди прочего, обосновывался тезис о возникновении и сознательном развитии Мухаммадом легенды об Аврааме как основателе Каабы и ее культов, в противовес язычникам курейшитам и мединским иудеям [5, с. 387]. Последующие исследователи также акцентировали внимание на процессе ритуального и догматического дистанцирования Мухаммада и его общины, от представителей других религиозных традиций, как на одном из главных факторов формирования ислама. Основной метод такого дистанцирования виделся в арабизации пророком иудейско-христианской традиции. Примером использования подобного подхода может служить опубликованное в Берлине в 1885–1887 гг. сочинение Августа Мюллера (1848–1892 гг.) «Der Islam im Morgen und Abendland», известное в русском переводе как «История ислама от основания до новейших времен» [6, с. 104]. Так, при анализе факта перемены направления при молитве (قبلة) – с Иерусалима на Мекку – немецкий востоковед писал: «Оригинальным в его догматике... является арабизирование христианско-иудейских вероучений, начавшееся с того, что дом Божий в Мекке становится на место иерусалимского христианского храма, расположенного на святой горе иудейского бога. Соответственно этому все помыслы Мухаммеда последующего периода устремлены на то, чтобы подогнать свое учение, насколько возможно, к преданиям и

предрассудкам древней Аравии...» [7, с. 158]. Сходной точки зрения в начале XX века придерживался и Юлиус Велльхаузен (1844–1918 гг.). Характеризуя деятельность Мухаммада по созданию мусульманской обрядности, он исходил из того, что целью пророка было, прежде всего, установление ритуальных отличий от христиан и иудеев. В условиях непризнания последними его пророческого статуса, вполне естественным было обращение Мухаммада к арабским корням. «Он утвердил паломничество к Каабе... так в ислам вошел центр языческого поклонения и популярный языческий праздник... Было сказано, что мекканская святыня и культ первоначально были единобожными и основаны Авраамом и лишь в последующие времена выродились и превратились в языческие. Отец веры Авраам был изгнан иудеями и стал основателем доисламской религии арабов с ее святыней в Мекке...» [8, с. 18–19]. Данный подход нашел свое отражение и развитие в отечественном исламоведении. Так, полемикой пророка с христианами, иудеями и язычниками объяснял обращение Мухаммада к фигуре Авраама при обосновании необходимости почитания Каабы в начале 20-х гг. прошлого века выдающийся отечественный востоковед Василий Владимирович Бартольд (1860–1930 гг.). В научно-популярном очерке «Ислам» он писал: «... Мухаммед еще в Мекке обратил внимание на библейские предания об Аврааме и Исмаиле, предке арабов, привел обоих в Мекку и сделал их строителями Каабы, будто бы только потом обращенной в храм идолов. Теперь он напомнил своим противникам, что Авраам жил до Моисея и Иисуса, следовательно, не был ни евреем, ни христианином, а все-таки был последователем единого бога и, по общему убеждению евреев и христиан, находится в раю; следовательно, с верой Авраама можно было спастись; именно эту веру Авраама и проповедует Коран...» [9, с. 97].

Сходные точки зрения на обоснование мусульманских обрядов хаджа, в том числе и праздника ид ал-адха, инициированное нежеланием иудеев и христиан признать пророческую миссию Мухаммада, и осуществленное пророком через обращение к фигуре Ибрахима/Авраама, утверждение его непосредственной связи с Меккой и храмом Каабы, на протяжении XX века неоднократно высказывались ведущими западными и отечественными востоковедами. В 1956 г. об этом писал Уильям Монтгомери Уотт (1909–2006 гг.) [10, с. 225–229, 334–336], в 1970 г. Густав фон Грюнебаум (1909–1972 гг.) [11, с. 37]. Итогом развития отечественной историографии в вопросе формирования исламской традиции об Ибрахиме и Исмаиле, связанных с ними обрядах паломничества, можно считать точку зрения О. Г. Большакова, изложенную им в первом томе фундаментальной «Истории халифата», вышедшем в свет в 1989 году. В той части, которая непосредственно касается нашего вопроса, она включает в себя следующие положения. Во-первых, в начале своей деятельности Мухаммад отождествлял проповедуемые им идеи с верой иудеев, как она представлена в Торе. Отсутствие собственных разработанных обрядов и ритуалов, на этом этапе, приводило к некоторым заимствованиям из обрядовой жизни иудеев. К последним можно отнести пост ашура (عاشوراء) – 10-го тиштри. Признание особого статуса за «людьми Писания» (أهل الكتاب) проявилось и в предписании обращаться во время молитвы лицом к Иерусалиму и, вероятно, в разрешении для мусульман пищи тех, «кому даровано Писание». Во-вторых,

упорное нежелание иудеев признать тождество проповеди Мухаммада с их собственным вероучением, инициировало процесс ритуального и догматического обособления от них мусульманской общины. Наиболее ярко это обособление проявилось в перемене киблы. В этой связи: «возникает историко-религиозное обоснование особой роли Каабы. Главной фигурой предшествующей истории взаимоотношений Аллаха и человека становится Ибрахим, библейский Авраам. Оказывается, что Аллах заключил союз с Ибрахимом именно в Мекке и приказал ему построить «дом» (ал-байт), т. е. Каабу, установить законы и призвать людей совершать паломничество к Каабе» [12, с. 105–106]. На разрыв с иудеями Медины, как на основную причину провозглашения Ибрахима «духовным предком Мухаммада и ислама», а, следовательно, придания особого значения жертвоприношению Исаила (إسماعيل) и обрядам почитания святынь Мекки, указывает и статья «Ибрахим», написанная Михаилом Борисовичем Пиотровским для энциклопедического словаря «Ислам», изданного в Москве в 1991 г. [13, с. 87–88].

Получивший распространение в западном востоковедении критический подход к данным мусульманского предания, находил и находит своих критиков, прежде всего, в лице представителей мусульманской уммы [14, с. 980–981]. В этой связи, следует отметить, что в большинстве своем, мусульманские авторы, обращающиеся к биографии пророка в вопросе о роли, которую играют в исламе фигуры Ибрахима и Исаила, по вполне понятным причинам, предпочитают передавать устоявшуюся традицию, чаще всего, игнорируя внешний по отношению к ней опыт. Иллюстрацией к сказанному может служить, вышедшая в издательстве Oxford University Press в 2007 г. и изданная в русском переводе в 2015 г., биография пророка, автором которой является один из наиболее известных представителей современного «европейского ислама» Тарик Рамадан. Показательно, что в этой работе собственно жизнеописание пророка Мухаммада, предваряется пересказом истории Авраама и Исаила, после чего, в строгом соответствии с исламской традицией, делается заключение: «Фактически Пророк Мухаммад является потомком детей Исаила и, следовательно, частью «великого народа», о котором сказано в Писании. Поэтому Авраам – его «отец», в широком смысле, и, согласно мусульманской традиции, благословения в молитве отца распространяются как на его потомка, последнего Пророка, так и на то место, где Авраам оставил Агарь и Исаила, – там, через несколько лет, он должен будет пройти ужасное испытание, принесение в жертву своего сына. Впоследствии там же им вместе суждено воздвигнуть Заповедный Дом Бога (Каабу)» [15, с. 21]. Другим примером такого традиционного подхода является, получившее широкое распространение в современном мусульманском мире, двухтомное «Жизнеописание Пророка», написанное Али Мухаммадом ас-Салляби, изданное на русском языке в 2012 г. [16, с. 76]. Общим местом для произведений мусульманских полемистов, когда речь идет о фигуре Ибрахима, является ссылка на следующие коранические аяты: «О обладатели писания! Почему вы препираетесь об Ибрахиме? Тора и Евангелие были ниспосланы только после него... Ибрахим не был ни иудеем, ни христианином, а был он ханифом (حنيف) предавшимся и не был из многобожников. Самые близкие к

Ибрахиму люди, конечно, те, которые за ним последовали, и этот пророк и те, которые уверовали» (Ш: 58/65–61/68). Мусульманские ученые, с опорой на данный текст, приходят к выводу о том, что упоминание Ибрахима в качестве духовного предшественника ислама было вызвано не полемикой Мухаммада с иудеями и христианами, а полемикой христиан и иудеев между собой. Следовательно, нет смысла искать истоки исламского предания об Ибрахиме в нежелании иудеев или христиан признавать пророческую миссию Мухаммада. В частности, такой подход нашел свое отражение на страницах «Жизни пророка Мухаммада» – текста, написанного на основе самого полного, из имеющихся на русском языке, пересказа преданий о жизни пророка [17, с. 381].

Придерживаясь все же иной точки зрения, обратим внимание на реформу арабо-мусульманского календаря, произведенную пророком, которая, по нашему мнению, может служить дополнительным аргументом в пользу того, что именно полемика с иудеями способствовала окончательному формированию мусульманской традиции об Ибрахиме. Как свидетельствует этимология названий некоторых месяцев арабо-мусульманского календаря, явно связанных с временами года, доисламские арабы уже с середины V в. пользовались не лунным, а лунно-солнечным календарем [18, с. 182–183]. Лунно-солнечные системы счисления времени, за счет вставки дополнительного (эмболисмического) месяца, позволяют ликвидировать разницу в количестве дней, существующую между лунным календарным годом и истинной продолжительностью тропического года. Вставка дополнительного 13 месяца производилась в соответствии с 19-летним циклом, 7 лет из которого содержали эмболисмический месяц. Происходило это в Мекке во время ярмарки. Дополнительный месяц назывался также как предыдущий и вставлялся после всех месяцев календаря. По свидетельству Абу Рейхана ал-Бируни, переход к лунно-солнечному календарю у арабов осуществился под влиянием соседствующих с ними иудеев и имел целью привязать паломничество к определенному времени года, наиболее благоприятному для проведения большой ярмарки. «Арабы во времена джахилии пользовались этими месяцами примерно так же, как ими пользуются мусульмане; паломничество у них делало круг по четырем временам года. Потом они пожелали совершать паломничество в такое время, когда будут готовы для продажи их товары: шкуры, кожи, плоды и прочее, и чтобы паломничество утвердилось в одном неизменном положении, в самое приятное и изобильное время. И вот они научились у евреев, соседствовавших с ними, добавлять к году месяцы, – а это было примерно за двести лет до хиджры, – и стали делать с месяцами нечто подобное тому, что делали евреи, то есть добавлять к месяцам избыток времени, между их годом и годом по Солнцу, когда этот избыток составит полный месяц» [1, с. 78]. Согласно данным мусульманской традиции, Мухаммад во время «прощального паломничества», произнося проповедь, запретил вставку дополнительного месяца в календарь, объявив такую практику греховной, что нашло свое отражение в тексте Корана: «Поистине, число месяцев у Аллаха – двенадцать месяцев в писании Аллаха в тот день, как Он сотворил небеса и землю. Из них – четыре запретных, это – стойкая религия... Вставка – только увеличение неверия; заблуждаются в этом те, которые не веруют; они разрешают это в один год

и запрещают в другой, чтобы согласовать с тем счетом, который запретил Аллах» (IX: 36/36–37/37). Таким образом, арабы вновь вернулись к лунному календарю. Ибн Хишам приводит следующие слова из проповеди пророка: «О люди! Перевод времени – это увеличение неверия. Этим вводятся в заблуждение те, кто не верует – они в один год объявляют месяц дозволенным, незапретным, а в другой год – запретным и нарушают тем самым установленное Аллахом число. Они объявляют незапретными месяцами те, которые Аллах объявил запретными, и объявляют запретными те месяцы, которые Аллах объявил незапретными» [4, с. 438]. Практика выделения запретных месяцев (شهر حرام), существовала у арабов задолго до возникновения ислама. Сроки наступления одного из них – зу-л-хиджа – напрямую связаны со сроками паломничества и праздника ид ал-адха. В этой связи, нельзя не обратить внимание на то, что реформа календаря была произведена во время «прощального паломничества», тогда же, когда упорядочены обряды хаджа, связанные с традицией об Ибрахиме. Указание на то, что переход от лунной к лунно-солнечной системе счета времени у доисламских арабов, произошел под влиянием иудеев, позволяет предполагать, что возврат к лунному календарю означал завершение процесса ритуального дистанцирования ислама от иудаизма. Таким образом, проведение календарной реформы уже не на доктринальном, а на ритуальном уровне, поставило точку в споре об Ибрахиме/Аврааме между двумя традициями.

Не преследуя цели подвергнуть анализу все аргументы, выдвинутые в ходе дискуссии о формировании мусульманской традиции об Ибрахиме, попытаемся представить догматическую основу и ритуальные традиции праздника ид ал-адха в том виде, в котором они существовали и существуют в сознании представителей мусульманской уммы. Рассказ о жертвоприношении, совершенном Ибрахимом, который стал мифологической основой праздника, следующим образом зафиксирован в кораническом тексте. «И мы обрадовали его кротким юношей. А когда он дошел до утра вместе с ним, он сказал: «Сынок мой, вижу я во сне, что закалываю тебя в жертву, и посмотри, что ты думаешь». Он сказал: «Отец мой, делай, что тебе приказано; ты найдешь меня, если пожелает Аллах, терпеливым». И когда они оба предались Аллаху и тот поверг его на лоб, и воззвали Мы к нему: «О Ибрахим! Ты оправдал видение». Так Мы вознаграждаем добродетельных! Поистине, это – явное испытание. И искупили Мы его великою жертвой» (XXXVII: 99/100–107/107). Интерпретация данного отрывка и его сравнение с аналогичным рассказом, содержащимся в Торе, приводят мусульманских авторов к осознанию важного различия двух текстов. Действительно, согласно иудейско-христианскому варианту: «И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой» (Бытие. 22: 7–8) [19].* Неопределенный ответ Авраама в мусульманской традиции

* Здесь и далее цитаты и ссылки на библейский текст приводятся по изданию: Тора. Пророки, Писания и Новый Завет.– Иерусалим: Израильская ассоциация по распространению Библейских писаний, 1992.– 1018 с.

получает следующую трактовку: «На прямой вопрос сына о том, где же агнец для всежжения, Авраам отвечает туманно. Он один откликается на Божественный призыв. Это различие между двумя повествованиями может показаться незначительным; однако оно оказывает огромное влияние на сущность понимания веры, ее испытаний и отношений человека с Богом» [15, с. 25]. Таким образом, по мысли автора приведенных строк, мусульманская традиция о жертвоприношении Исаила не только противостоит индивидуализму в вопросах веры, но и утверждает в качестве основного принципа этой веры покорность воле Бога, а в качестве основных добродетелей – жертвенность, терпение и искренность.

Еще одной важной точкой расхождения между двумя традициями является давний спор о том, какого именно сына намеревался принести в жертву Ибрахим. Несмотря на то, что в соответствующих айатах имя сына Ибрахима не названо, анализ контекста коранической суры позволяет утверждать, что в данном случае под «кротким юношей» подразумевается Исаил. Важным аргументом в пользу такой трактовки коранического текста является то, что непосредственно вслед за историей жертвоприношения сына Ибрахима помещен рассказ о рождении Исхака/Исаака (إسحاق): «И обрадовали Мы его Исхаком, пророком из достойных, и благословили и его, и Исхака...» (XXXVII: 112/112–113/113) [20, с. 82]. Еще одним кораническим отрывком, на который ссылается мусульманская традиция в контексте спора о сыновьях Ибрахима, являются айаты, в которых жене Ибрахима сообщается о появлении на свет Исхака, а затем Йакуба (يعقوب). «А жена его стояла и рассмеялась; и Мы ее обрадовали вестью об Исхаке, а за Исхаком – об Йакубе» (XI: 74/71). Данный аят получил следующую интерпретацию, переданную Ибн Исхаком (ум. в 767 г.): «Он упоминает сына и сына сына. Он не велел принести в жертву Исхака (Исаака), пообещав, что у этого сына будет сын. Поэтому единственным, кого Аллах велел принести в жертву, был Исаил (Измаил)» [21, с. 577]. Следует отметить, что и позднее «аргументы» в этом споре в «пользу» Исаила, продолжали формулироваться средневековыми мусульманскими авторами в русле полемики с иудеями. Один из авторитетнейших комментаторов Корана – Ибн Касир (1302–1373 гг.), в составленных им «Рассказах о пророках», детально рассматривает мнения различных мусульманских ученых по этому вопросу. Подводя итог, Ибн Касир приводит следующую историю. Будто бы халиф Умар б. Абд ал-Азиз, правивший с 717 по 720 гг., желая прояснить вопрос о том, кого из сыновей намеревался принести в жертву Ибрахим, обратился к одному человеку. «Прежде этот человек был иудеем, но принял ислам и стал хорошим мусульманином, и было видно, что он относился к числу иудейских ученых. Умар ибн Абд-аль-Азиз спросил его: «Кого из двух сыновей Ибрахима было велено принести в жертву?» Тот ответил: «Клянусь Аллахом, Исаила, о повелитель правоверных! Поистине, иудеи знают об этом, но завидуют вам, арабам, ибо Аллах отдал веление, касающееся вашего праотца, и упомянул о его заслуге, ибо он проявил терпение, когда его было велено принести в жертву. Они же отрицают это и утверждают, что в жертву было велено принести Исхака, поскольку Исхак – их праотец» [22, с. 289–290].

Таким образом, на первое место в споре между мусульманами и иудеями выдвигается этногенетический аргумент. В связи с приведенным, хотелось бы подчеркнуть тот факт, что большинство современных мусульманских авторов, в соответствии с традицией, продолжают возводить этногенез арабов к Исмаилу. «Историки разделили арабов на три группы в соответствии с их происхождением. Исчезнувшие арабы. Это племена Ад, Самуд, аль-Амалика, Джадис, Умайм, Джурхам, Хадрамаут и все, кто связан с ними. Все они исчезли до ислама. У них были цари, власть которых распространялась до Шама и Египта. Южные арабы. Это потомки Яруба ибн Яшджуба ибн Кахтана. К ним принадлежали цари Йемена, королевства Маин, Сабы (Химьяра). Северные арабы. Это потомки Аднана, который ведет свое происхождение от Исмаиля, сына Ибрахима (мир им обоим)... Это Исмаиль, его потомки и джурхумиты, от которых Исмаиль научился арабскому языку и с которыми он породнился, в результате чего его дети выросли арабами, подобно ему самому... Другие же считают, что все арабы, и северные и южные, ведут свое происхождение от Исмаиля (мир ему). [16, с. 28–30]. Любопытно отметить, что с другой стороны, в современной академической среде были выдвинуты аргументы против общности арабо-еврейского этногенеза, возводимого к фигурам Исаака и Исмаила. Примером подобного подхода может служить изданная в серии «Библиотека «Иудаика» в переводе на русский язык в 2001 г. монография Ш. Д. Гойтейна «Евреи и арабы. Их связи на протяжении веков». Основные положения, выдвинутой автором точки зрения сводятся к следующему. Измаил – название древнего племени, исчезнувшего в истории. Под термином «измаильтяне» в библейском тексте следует понимать общее обозначение кочевников, обитавших в пустыне. В период Второго Храма это название было распространено и на арабов, с которыми евреи поддерживали тесные отношения. Из сказанного делается вывод: «Идея о том, что евреи и арабы являются «кузенами» через Измаила и Исаака, сыновей Авраама, не была традиционной ни в Библии, ни среди древних арабов. Но поскольку она была безоговорочно принята во всей еврейской литературе со времени Второго Храма, а также введена Мухаммадом в само священное писание ислама, положение о близком родстве признавалось обоими народами на протяжении всего долгого периода их симбиоза в исламские времена» [23, с. 25–26]. Родство же евреев и арабов, автор склонен возводить не к Исмаилу и Исааку, а к другим потомкам и родственникам Авраама [23, с. 35–36].

Как бы ни решался вопрос об общности происхождения арабов и евреев в рамках академической науки, очевидно, что и иудейская и исламская религиозные традиции возводят к фигуре Авраама/Ибрахима и его потомков этногенез обоих народов. Таким образом, для обеих традиций спор об Исмаиле/Исааке имеет два измерения – религиозное и этническое. Применительно к традиции ислама это означало, что: «Ибрахим оказывается одновременно и предвестником ислама, и отцом Исмаила, прародителем арабов. Правомочность ислама как религии, равной иудаизму и христианству, приобретает любезное сердцу арабов того времени генеалогическое обоснование» [12, с. 106]. Укажем в этой связи, что недвусмысленное упоминание имени Исаака, как предназначенного в жертву, в текстах иудейско-христианской традиции, неоднократно приводило часть

мусульманских полемистов к выводу о допущении христианами и иудеями намеренных фальсификаций (تحريف) в священных писаниях. Уже Ибн Касир писал: «... Исмаил, рожденный египтянкой Хаджар. Ибрахим должен был принести в жертву именно его, что же касается тех, кто утверждает, что в жертву следовало принести Исахака, то они полагаются на сообщения израильтян, которые подменили, исказили и по-своему истолковали Тору и Евангелие, нарушив заповеди этих ниспосланных свыше Писаний» [22, с. 387]. Как противостоящую устойчивой традиции, следует отметить в отечественной литературе попытку Тауфика Ибрагима доказать необоснованность такого подхода. Говоря в этом контексте о жертвоприношении Ибрахима, он пишет: «...предание о жертвоприношении Исмаила, при всей его распространенности, является внеканоническим: оно не входит ни в один из «шести сводов» хадисов... если уточнение о сыне столь принципиально, то как могло случиться, что и Коран и Сунна обходят его молчанием?!» [24, с. 191–192].

К сожалению, следует признать, что имеющиеся в нашем распоряжении источники, не позволяют однозначно судить о том насколько этногенетический аргумент в споре с иудеями, относительно Исмаила и Исаака, был важен для самого основателя ислама. Отметим, в этой связи, только тот факт, что в тексте Корана, на наш взгляд, проведена четкая грань между Исааком и тем сыном Ибрахима, который был предназначен для жертвоприношения. Кроме уже приводившихся аргументов мусульманской традиции, обратим внимание на различие в эпитетах/характеристиках двух потомков Ибрахима, которые содержит коранический текст. Так, там, где речь идет о сыне, предназначенном в жертву, он назван «кротким юношей» (بِغُلَامٍ حَلِيمٍ) (XXXVII: 99/101). Там же, где речь идет о «гостях Ибрахима», рассказ о которых связан с обещанием рождения Исаака, сказано: «Не бойся, ведь мы радуем тебя мудрым мальчиком» (بِغُلَامٍ عَلِيمٍ) (XV: 53). Характеристика же потомков Исаака, содержащаяся в кораническом тексте, заставляет признать, что этногенетический аргумент в споре с иудеями был, как минимум, сформулирован при жизни пророка. «И обрадовали Мы его Исааком, пророком из достойных, и благословили и его, и Исаака; а в потомстве (وَمِنْ ذُرِّيَّتِهِمَا) их – добродетельный и несправедливый к самому себе явно (XXXVII: 112–113).

Не вызывает сомнений, что этот аргумент приобрел первостепенное значение для последующего развития традиции, когда возникла необходимость обоснования господствующего положения арабов по отношению к израильтянам, сложившееся после великих арабских завоеваний и возникновения халифата. Уже в VIII в. Ибн Исхак (ум. в 767 г.) – автор одного из наиболее ранних жизнеописаний пророка – рассуждая о причине враждебных действий иудеев против Мухаммада, говорил: «И тогда священнослужители иудеев начали враждебные действия против Пророка, притесняя, завидуя и питая злобу к нему, когда Аллах избрал арабов, чтобы Мухаммада послать Пророком из их среды» [4, с. 170–171]. Очевидно, что в контексте такого объяснения отношения иудеев к Мухаммаду и исламу спор о предках приобрел особую актуальность. Содержание этого спора, вероятно, должно рассматриваться через призму выделения и избранничества того, кто был предназначен в жертву. Напомним, в этой связи, что и к качествам животных,

приносимых в жертву, мусульманское право предъявляет целый ряд требований. Говоря о человеческих жертвоприношениях, издавна бытовавших в семитской среде, необходимо отметить, что в литературе высказывались различные мнения по вопросу об обязательном первородстве, предназначавшегося в жертву ребенка. Согласно одному из них, для жертвы предназначались первенцы. Реконструируя религиозный культ жителей Угарита, Ю. Б. Циркин приходит к выводу: «По-видимому, в Угарите сохранялась и практика человеческих жертвоприношений: приносили в жертву перворожденных сыновей, и делалось это обычно при закладке какого-нибудь очень важного здания или в случае чрезвычайной опасности» [25, с. 221]. К сходному выводу пришел и другой известный отечественный семитолог И. Ш. Шифман (1930–1990 гг.), когда писал: «...жертва собственных детей (как правило, первенца или одного единственного) по представлениям жертвователей (финикийцев, иудеев, моавитян и других) была вовсе не актом нечеловеческой жестокости... Человек жертвует Богу самое дорогое из того, что у него есть, и тем самым заручается неизменным благоволением Бога» [26, с. 224–225]. Напротив, немецкий исследователь истории, культуры и религии Карфагена В. Хусс, проанализировав сообщения античных авторов о человеческих жертвоприношениях у карфагян, считает, что: «Слой населения, который приносил эти жертвы, античными авторами определялся различно, но никто не утверждает, что в жертву приносился старший ребенок или перворожденный» [27, с. 376]. О том, что в жертву могли приноситься как старшие, так и младшие сыновья, наглядно свидетельствует библейский текст, в частности, повествование о строительстве Иерихона во время правления в Израиле царя Ахава: «В его дни Ахиил Вефилянин построил Иерихон: на первенце своем Авираме он положил основание его и на младшем своем сыне Сегубе поставил ворота его, по слову Господа, которое Он изрек через Иисуса, сына Навина» (III Цар., 16:34). Таким образом, само по себе первородство, скорее всего, не могло служить главным критерием при выборе жертвы. Оно приобретало значение в контексте понятия «единственность».

Это подтверждает рассказ о жертвоприношении Авраама, в том виде, в каком он представлен в иудейско-христианской традиции. «Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака...» (Быт., 22:2). Если указание на «единственность» находится в явном противоречии с предшествующим рассказом об Исмаиле, на что всегда обращали внимание представители исламской традиции, то требование отцовской любви, находит свое соответствие и в мусульманском предании. В повествовании о жертвоприношении деда Мухаммада Абд ал-Мутталиба, где жребий пал на отца пророка Абдаллаха, и которое, судя по всему, является репликой на жертвоприношение Ибрахима, Ибн Хишам сообщает: «Абдаллах ибн Абд аль-Мутталиб был самым младшим сыном... Как утверждают, Абдаллах был самым любимым сыном Абд аль-Мутталиба, и Абд аль-Мутталиб думал, что стрела промахнется и пощадит его» [4, с. 42]. Очевидно, что единственным – уникальным – избранным предназначенного в жертву сына делает отцовская любовь. В конечном счете, требования предъявляемые к предназначенному в жертву потомку, могут быть сведены к главному: в жертву должно быть принесено самое дорогое и лучшее из того, чем обладает

жертвователю. Таким образом, с точки зрения представителей средневековой мусульманской традиции важна принципиальная близость между Ибрахимом и Исмаилом. Эта близость – как превосходство арабов над израильянами – на этногенетическом и религиозном уровнях была осмыслена следующим образом. Передавая сведения о потомках Исаака и Исмаила Ибн Касир сообщает: «У Исаака родился Якуб, или же Исраиль, сыновья которого стали родоначальниками двенадцати колен израильян. Среди представителей этих колен было очень много пророков, точное число которых известно лишь Тому, Кто направлял их к людям, последним же из них стал Иса, сын Марьям. Что же касается Исмаила, то он стал родоначальником всех арабов, разделившихся на отдельные племена. Среди его потомков был только один Пророк – последний из пророков, их господин и гордость рода человеческого в обоих мирах Мухаммад ибн Абдуллах ибн Абд аль-Мутталиб ибн Хашим аль-Кураши аль-Хашими, которому в День воскресения позавидуют первые и последние» [22, с. 312]. Таким образом, пророк Мухаммад, будучи потомком Исмаила, оказывается и единственным и лучшим среди пророков, воплощая в себе главные характеристики, которыми обладал его предок, предназначавшийся в жертву Богу.

В этой связи не удивительно, что известный сюжет об оставлении Авраамом Исмаила и его матери Агарь в пустыне, в том виде, как он представлен в иудейско-христианской традиции, не мог быть включен в мусульманскую традицию. Он получил здесь несколько иную интерпретацию. Якобы Ибрахим привез Хаджар с младенцем в Мекку, которая тогда была пустынным местом. Здесь, оставив им мешок фиников и мех с водой, он отправился обратно. Когда мех с водой опустел, а Исмаил стал испытывать муки жажды, Хаджар семь раз пробежала между возвышенностями Сафы и Марвы (الصفا و المروة), в надежде обрести помощь. В память о чем установлен соответствующий обряд хаджа – саай (سعى). Затем, на том месте, где сегодня находится источник Замзам (زمزم), она увидела ангела, копающего землю, пока из углубления не забила вода. Появление источника привлекло к этому месту людей из племени джурхум, которые и стали первым населением Мекки. После того, как Исмаил вырос, он взял в жены одну из дочерей джурхумитов. Ибрахим, передвигаясь верхом на Бураке (براق), несколько раз навещал Исмаила. В одно из таких посещений к Ибрахиму и пришло повеление Аллаха принести Исмаила в жертву. По велению Аллаха, Ибрахим вместе с Исмаилом восстановили Каабу, разрушенную потопом, и очистили ее от идолов [22, с. 273–309]. Прямой приказ Аллаха, адресованный Ибрахиму и его сыну Исмаилу, содержится в аятах второй суры, где сказано: «И Мы заповедали Ибрахиму и Исмаилу: «Очистите Мой дом для совершающих обход, и пребывающих, и преклоняющихся, и падающих ниц!... И вот, Ибрахим воздвигает основы дома, и Исмаил: «Господи наш! Прими от нас, ведь Ты, поистине – слышащий, знающий! Господи наш! И сделай нас предавшимися тебе и из нашего потомства – общину, предавшуюся Тебе, и покажи нам места нашего поклонения, и обратись к нам, ведь Ты – обращающийся, милосердный!» (II: 119/126–122/128). Далее, как известно, следует мольба Исмаила, в которой он просит Аллаха даровать будущей общине посланника. Таким образом, через Исмаила устанавливается прямая генетическая и

духовная связь пророка Мухаммада с Ибрахимом, а через него с арабомусульманской общиной, минуя иудеев и христиан. Стремление подчеркнуть эту связь, находит свое отражение в фактах биографии Мухаммада, являющихся своеобразными репликами на «факты» биографий Ибрахима и Исмаила, которые были зафиксированы мусульманским преданием. В их число, по нашему мнению, могут быть включены: нарратив о жертвоприношении Абд ал-Мутталиба, повествование об участии пророка в перестройке Каабы, наконец, рассказ об очищении Мухаммадом мекканского храма от идолов. Ибрахим – первый пророк-монотеист и проповедник единобожия, носитель истинной веры (XXVI: 69/69 – 74/74), с чем связан устойчивый, по отношению к нему, эпитет – «друг Аллаха» (خليل الله). Мухаммад – последний пророк-монотеист, миссия которого заключается в восстановлении подлинного единобожия, которого придерживался Ибрахим.

Не вызывает сомнений, что рассказ о замене сына Ибрахима/Авраама во время жертвоприношения животным, является отражением распространенной в семитской среде так называемой «жертвы замещения» [27, с. 372; 26, с.255]. Несмотря на то, что рассказ о принесении в жертву вместо Исмаила/Исаака животного отражает общую тенденцию, иудейская и мусульманская традиции акцентируют внимание на разных смысловых аспектах этого рассказа, извлекают из него, если можно так выразиться, разные уроки. Согласно первой из них: «...рассказ о жертвоприношении Авраама имеет одной из основных своих целей отвержение человеческих жертвоприношений, практиковавшихся окрестными языческими народами» [28, с. 52]. Строгий запрет на жертвоприношения детей в тексте Пятикнижия повторяется еще несколько раз (Лев.,18:21, 20: 2–5). Кроме ритуального дистанцирования от окрестных язычников, важным итогом жертвоприношения Авраама является обещания, данные ему Богом. «Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов своих; И благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Быт., 22:17–18). Таким образом, «жертва замещения» приводит к тем же результатам, что и жертвоприношение ребенка – обретение божественного благословения, реализующегося в плодovitости и господстве.

Несколько иначе раскрывается смысл жертвоприношения Ибрахима в мусульманской традиции. Напомним, что, в отличие от Торы, текст Корана не содержит прямого указания на запрет человеческих жертвоприношений. Этот запрет скорее подразумевается, а внимание в истории жертвоприношения Ибрахима акцентируется на ином. Во-первых, весь контекст аятов 99/101–110/110 XXXVII суры – действия Ибрахима, оповещение Исмаила и обещание последнего, «если пожелает Аллах» (إِنْ شَاءَ اللَّهُ), проявить терпение – говорит об абсолютной покорности Ибрахима и Исмаила воле Аллаха. Отметим, в этой связи, что и действие кульминационного момента жертвоприношения в тексте передается глаголом أَسْلَمَ – «покорились». Во-вторых, там, где речь идет о замене Исмаила животным, от лица Аллаха сообщается: «И искупили Мы его великою жертвой» (وَفَدَيْنَاهُ بِذَبْحٍ عَظِيمٍ (XXXVII: 107/107). Ибн Касир, комментируя соответствующий аят, пишет: «Слова Аллаха «И Мы выкупили его, [позволив Ибрахиму принести]

великую жертву [вместо сына]» означают, что Аллах заменил жертвоприношение сына тем, что было легко для Ибрахима» [22, с. 284]. Таким образом, кровь жертвы «искупила/выкупила» жизнь Исаила. В свете приведенного, не вызывает удивления и то, что текст Корна менее многословен, чем текст Торы, в вопросе «вознаграждения» Ибрахима: добрая молва в поколениях, рождение Исхака, благословение Ибрахима и Исхака (XXXVII: 108/108 – 113/113). Следует признать, что главная награда за покорность и готовность пожертвовать жизнью Исаила – жизнь Исаила. Обратим внимание, в этой связи, на распространенный мусульманский обычай акика (عقيقة) – принесение жертвы за новорожденного. В соответствии с текстом достоверного хадиса: «Сообщается, что Сальман бин Амир ад-Дабби, да будет доволен им Аллах, сказал: «Я слышал, как посланник Аллаха, ﷺ, сказал: «За новорожденного мальчика следует приносить жертву /акика/. Выпускайте из нее кровь и устраняйте то, что доставляет страдания (младенцу)» (1824) [29, с. 740–741]. По традиции, за новорожденного приносят в жертву две овцы, а за новорожденную – одну. Приведенное заставляет признать, что основной смысл коранического рассказа о жертвоприношении Ибрахима заключается, с одной стороны, в демонстрации эталонной покорности воле Аллаха, а, с другой, в утверждении искупительной силы жертвы. Что же означает содержательная сторона этой искупительной силы для мусульман, совершающих обряд жертвоприношения сегодня? В качестве ответа на этот вопрос приведем мнение одного из современных отечественных комментаторов Корана: «Со времен заключительного Божьего посланника, пророка Мухаммада, авраамическая традиция жертвоприношения стала важным религиозным ритуалом, проводимым раз в год в каждой мусульманской семье: на Курбан-байрам принести в жертву перед Богом барашка, тем самым «выкупая» свое и своей семьи благополучие, избавляя себя и семью от отягощающих грехов» [30, с. 1090]. В связи с упоминанием об искуплении грехов, напомним, что согласно широко распространенному преданию, когда Мухаммад приносил жертву от имени своей дочери Фатимы, он выразил желание, чтобы Фатима присутствовала при этом, сказав, что ее грехи будут прощены с падением первой капли крови жертвы. Таковы, на наш взгляд, основные различия в интерпретации предания о жертвоприношении Ибрахима/Авраама, которые можно выделить между иудейской и мусульманской традициями, и которые являются наиболее значимыми для второй из них.

Выше мы уже отмечали, что некоторые представители западноевропейского востоковедения XIX в. видели в исламских обрядах, прежде всего, результат арабизации иудейско-христианской традиции. На наш взгляд, было бы явным упрощением считать, что мусульманский обряд заклания жертвенных животных – простое заимствование из ритуальной практики доисламского населения Аравии. Дошедшие до нас источники позволяют рассматривать языческие ритуалы жертвоприношений, которые совершали арабы, как широко распространенную практику приношения даров божествам и их «кормления». Так, например, Хишам ал-Калби (ум. в 819 или в 822 гг.) приводит следующее свидетельство: «Арабы и курайшиты давали по ней имя – Абд ал-Узза. Она была самым почитаемым идолом у курайшитов. Они приходили к ней, приносили ей дары и старались снискать ее

расположение жертвоприношением. Сообщили нам, что посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует,... сказал: «Я принес в дар ал-Уззе рыжеватую козу, когда следовал вере моих сородичей» [31, с. 20]. Вероятно, в представлении арабов, живших до ислама, основной «пищей» божеств во время жертвоприношений являлись мясо и кровь закалываемых животных. Так, до нас дошли свидетельства, что некоторых идолов арабы поливали жертвенной кровью [31, с. 28]. Совершенно иначе трактуется обряд жертвоприношения в исламе. По этому поводу в кораническом послании говорится: «Не дойдет до Аллаха ни их мясо, ни их кровь, но доходит до Него богобоязненность ваша. Так Он подчинил их вам, чтобы вы возвеличили Аллаха за то, что Он вывел вас на прямой путь, а ты обрадуй делающих добро!» (XXII: 38/37). Ибн Касир в своем толковании Корана на этот аят раскрывает обстоятельства его ниспослания. «Джурайдж сообщил, что в доисламский период люди приносили к Дому мясо и кровь жертвенных животных. Тогда сподвижники Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует) сказали: «У нас больше прав на это». В этот момент Аллах ниспослал этот аят... В «Сахихе» сказано: «Аллах смотрит не на вашу внешность и состояние, а на ваши сердца и поступки. Другой хадис: «Милостыня попадает в руки Милостивого до того, как попадает в руки просящего. А кровь жертвенного животного возвеличена перед Господом еще до того, как успеют капли ее упасть на землю» [21, с. 108]. Таким образом, обряд жертвоприношения в исламе, в отличие от языческой практики «кормления» и задабривания идолов, следует рассматривать, прежде всего, как акт поклонения Аллаху, связанный с выражением богобоязненности и покорности воле Аллаха, искуплением грехов и приобретением благополучия.

Говоря о традициях ид ал-адха, необходимо отметить, что с обрядом жертвоприношения в исламе связан целый ряд необходимых условий и юридических норм. Принято считать, что не только паломники, но каждый свободный мусульманин, способный приобрести жертвенное животное должен совершить жертвоприношение 10-го зу-л-хиджжа. Относительно уровня обязательности этого ритуального акта в среде мусульманских ученых высказывались различные мнения. Так, некоторые из представителей ханафитского и шафиитского мазхабов считали, что заклятие жертвенного животного, является желательным. Основатель ханафитского мазхаба Абу Ханифа полагал, что это действие обязательное, то есть, не совершивший его без уважительной причины, впадает в грех. В любом случае, по мнению большинства: «Канонически порицаемо пренебрежение этим видом поклонения со стороны тех, кто имеет на то материальные средства» [32, с. 295]. На основании данных мусульманского предания, были сформулированы несколько критериев, по которым человек должен определять для себя обязательность заклания жертвенного животного. Во-первых, как уже было сказано, мусульманин должен быть свободным, во-вторых, совершеннолетним и психически здоровым, в третьих, на него не должен распространяться статус путника (مسافر). Наконец, он должен располагать необходимыми материальными средствами. О размере последних представителями различных религиозно-правовых школ высказывались различные точки зрения. Например, правоведы шафиитского мазхаба (مذهب) считают, что у человека должны

быть средства для содержания себя и своей семьи на четыре праздничных дня, и сверх того на приобретение жертвенного животного. Ханафиты считают, что обязанность жертвоприношения распространяется на всякого, кто выплачивает закят (زكاة) [32, с. 296–297].

В связи с тем, что заклание жертвенного животного требует определенных навыков, которыми обладают далеко не все представители мусульманской уммы, большое значение приобретает следующий вопрос: обязательно ли совершать обряд самому, или возможно, чтобы это сделал вместо жертвующего другой мусульманин, отвечающий необходимым для этого критериям? Ответ на этот вопрос содержится в сунне. Так, например, имам Муслим приводит хадис, из которого следует, что пророк Мухаммад совершал жертвоприношение за членов своей семьи (1269) [33, с. 641]. Одним из условий, на котором настаивают некоторые богословы, при таком варианте жертвоприношения, является присутствие жертвующего во время обряда. Следует отметить, что, в соответствии с установлениями ислама, далеко не всякое животное может быть принесено в жертву. Согласно единодушному мнению исламских правоведов и богословов, для жертвоприношения годны: верблюды, буйволы, быки, коровы, бараны, овцы и козы. Требования к возрасту закладываемых животных определены указаниями, которые содержатся в хадисах. Например: «Передают со слов Джабира ибн Абдуллаха, да будет доволен Аллах ими обоими, что посланник Аллаха сказал: «Приносите в жертву двухгодовалых животных, а если делать это вам будет затруднительно, то приносите в жертву годовалых овец» (1266) [33, с. 640]. Животное, пригодное для жертвоприношений должно быть лишено изъянов, в противном случае, оно не подходит для совершения обряда. Среди таких изъянов наиболее распространенными являются: слепота, хотя бы на один глаз, хромота, не позволяющая животному самостоятельно дойти до места заклания, отсутствие каких-либо частей тела [32, с. 299]. Поскольку выбор жертвенного животного следует осуществлять в соответствии с указанными требованиями, а также учитывая массовый характер совершения обряда, неудивительно, что в мусульманском мире накануне праздника организуются ярмарки по продаже скота. Э. У. Лэйн, говоря о Каире XIX века, свидетельствует: «В течение нескольких предшествующих этому празднику дней в столицу сгоняют стада овец и множество буйволов, чтобы продавать их для жертвоприношения» [34, с. 379]. В этой связи, необходимо отметить, что установления ислама, регламентирующие обряд жертвоприношения, допускают его совместный характер. Так, при заклании коровы или верблюда, допустимой нормой является – одно животное на семерых человек (746) [33, с. 382].

Напомним, что исламский способ забоя скота предполагает перерезание животному горла, таким образом, чтобы рассеченными оказались основные артерии, но не был поврежден спинной мозг. Одно из важных условий, соблюдение которого считается необходимым при совершении жертвоприношения – произнесение над жертвой определенных молитвенных формул. Текст Корана содержит специальное предписание по этому поводу: «Поминайте же имя Аллаха над ними, стоящими в ряд» (XXII: 37/36). Над жертвенным животным произносят три раза такбир (الله أكبر), басмалу (بسم الله الرحمن الرحيم), вновь троекратный такбир,

славословие пророку, обратившись лицом к кибле, просят у Аллаха принять жертву [35, с. 88]. Существует целая группа хадисов, которые предписывают свести страдание жертвенного животного к необходимому минимуму. Так, например, запрещается тащить животное к месту жертвоприношения, или пользоваться при забое тупым орудием. Не разрешается использовать орудия, сделанные из когтей и зубов животных. Специальные правила регламентируют распределение мяса и шкур жертвенных животных. Обычно, две трети мяса раздается, а из оставшейся части готовится праздничное блюдо для семьи. Если же жертва приносится по обету, то раздать следует все. В этой связи необходимо подчеркнуть, что благотворительность для мусульманина является одной из форм поклонения Аллаху. Не могут не впечатлить объемы этой благотворительности, осуществляемой в связи с праздником жертвоприношения. Начиная с 80-х гг. только на территории Саудовской Аравии ежегодно перерабатывается мясо приблизительно полумиллиона овец, с последующим распределением его среди нуждающегося населения мусульманских стран [36, с. 35].

В соответствии с предписаниями сунны, жертвоприношение, для того, чтобы считаться действительным, должно быть совершено в определенный промежуток времени. Например: «Передают, что аль-Бара ибн Азиб, да будет доволен Аллах ими обоими, сказал: «Однажды в день жертвоприношения посланник Аллаха сказал: «Поистине, первым, с чего мы начнем в этот наш день, будет совершение молитвы, а потом мы вернемся и заколем жертвенных животных. Тот, кто сделает это, поступит согласно нашей сунне, а тот, кто уже заколол своих животных, пусть знает, что это – мясо, которое он принес своей семье и которое не имеет никакого отношения к обряду жертвоприношения». Услышав это, Абу ибн Нияр, уже заколовший свое животное, сказал: «У меня есть годовалая козочка, которая лучше, чем двухлетка», и тогда пророк сказал: «Заколи ее, но после тебя это больше никому не послужит заменой» (1265) [33, с. 639]. Таким образом, время, предписанное для заклания жертвенных животных, наступает после праздничной молитвы. Завершается это время, по мнению представителей большинства религиозно-правовых школ, «незадолго до захода солнца третьего дня» [32, с. 300]. В этой связи следует отметить, что не только 10-е число месяца зу-л-хиджжа, но и следующие за ним три дня считаются праздничными. Эти дни получили название «дни ташрика» (أيام التشريق). Слово «ташрик» (التشريق) в переводе с арабского означает «заготовка, вяление мяса». Мусульманское предание содержит данные о том, что сначала Мухаммад запретил использование мяса жертвенных животных по истечении трех дней с момента жертвоприношения, но позднее этот запрет был им отменен (1270–1271) [33, с. 641]. Постится в эти дни считается предосудительным, на что также есть специальное указание в сунне: «...посланник Аллаха сказал: «Дни ташрика являются днями, когда следует есть и пить» (629) [33, с. 328]. Важным ритуалом, связанным с днем жертвоприношения, для мусульманина является участие в особой праздничной молитве – салат ал-идайн (صلاة العيدين), время для которой наступает приблизительно через 40 минут после восхода солнца [32, с. 290]. Как и в случае с праздником разговения, молитва состоит из двух ракаатов (ركعة), и включает в себя большое количество молитвенных формул, восхваляющих

Аллаха (تكبير). Другими элементами праздничной культуры мусульман, связанной с днями жертвоприношения, являются обычаи совершать визиты родственникам и знакомым, обмениваться подарками, надевать новую одежду [37, с. 73]. Подобно тому, как это происходит, например, во время праздника разговения, в праздничные дни месяца зу-л-хиджжа, принято посещать кладбища, проводя время у могил предков [35, с. 88].

Рассмотренный нами материал позволяет прийти к некоторым заключениям. Существование обрядов хаджа и кровавых жертвоприношений в доисламской Аравии, с одной стороны, и связь мусульманского обряда жертвоприношения с фигурой пророка Ибрахима, с другой, делают, на наш взгляд, оправданным подход к изучению мусульманской традиции ид ал-адха, выработанный в мировом и отечественном востоковедении. Его основное положение заключается в том, что древний праздник был переосмыслен в монотеистическом ключе, под воздействием полемики как с арабами язычниками, так и с носителями иудейско-христианской традиции. Отметим, что паломничество, как это сумел показать У. М. Уотт, признавалось важным актом поклонения мусульманами и до открытого разрыва с мединскими иудеями [10, с. 334]. Этот факт заставляет предположить, что первый импульс для монотеистического переосмысления праздника жертвоприношения Мухаммаду могла дать дискуссия с язычниками. Следует признать, что главным ее итогом стал отказ от взгляда на жертвоприношение как на обряд кормления или задабривания божества. Позднее основным фактором формирования исламской традиции о жертвоприношении Ибрахима, которое превратилось в прототип ид ал-адха, стала полемика пророка с иудеями Медины. Точка в этой полемике была поставлена во время «прощального паломничества», когда произошло упорядочивание обрядов мусульманского хаджа. Одним из аргументов в пользу сказанного, является, на наш взгляд, календарная реформа, осуществленная тогда же и вернувшая арабов к лунному календарю. Отмена лунно-солнечной системы счета времени, позаимствованной арабами у иудеев, позволила зафиксировать сроки паломничества и праздника жертвоприношения.

Догматической основой обрядов ид ал-адха стал коранический рассказ о жертвоприношении Ибрахима. Средневековая мусульманская традиция, сталкиваясь с библейской версией данного нарратива, продолжала развиваться в полемическом русле. Одним из главных вопросов, волновавших мусульманских полемистов и комментаторов Корана, стал вопрос о том, кого из сыновей должен был принести в жертву Ибрахим. Преобладающим в мусульманской традиции стало мнение, согласно которому, в жертву предназначался Исмаил – прародитель арабов. Анализ коранического текста позволяет предположить, что этногенетический аргумент в полемике с иудеями мог быть сформулирован уже при жизни Мухаммада, однако первостепенное значение он приобрел позднее, когда возникла необходимость обоснования политического господства арабо-мусульманской уммы. Религиозная ценность этого аргумента, по нашему мнению, определялась и определяется не только тем, что Исмаил в мусульманской традиции является предком арабов, но, в большей степени, тем, что пророк Исмаил – прямой предок пророка Мухаммада.

Несмотря на то, что обе версии рассказа о жертвоприношении Ибрахима отражают общую распространенную в древней семитской среде практику «замещения жертвы», сопоставление их позволяет выявить различия между ними и особенности каждой из них. Анализ этих особенностей, на наш взгляд, приводит к пониманию смысла обряда жертвоприношения и праздника ид ал-адха в исламе. Этот смысл, применительно к кораническому сюжету, заключается в демонстрации образцовой покорности воле Аллаха, на примере поведения Ибрахима и Исмаила, и искуплении/выкупе жизни Исмаила. Историческая трансформация понятий «покорность» и «искупление/выкуп» привели к тому, что мусульманин, совершающий заклание жертвенного животного сегодня, своим актом поклонения выражает богобоязненность и искупает/выкупает грехи. Источником правил, регламентирующих обряд заклания жертвенных животных, является текст Корана и, в большей степени, мусульманское предание – сунна (سنة). Среди наиболее важных из них следует отметить: выбор жертвенного животного, в соответствии с предъявляемыми к нему требованиями; время жертвоприношения; произнесение во время обряда предписанных молитвенных формул; способ забоя жертвы; соблюдение правил раздела туши, принесенного в жертву животного.

Список использованных источников и литературы

1. Бируни Абу Рейхан. Памятники минувших поколений / Абу Рейхан Бируни // Избранные произведения. – Т. 1. – Ташкент: Изд-во АНУзССР, 1957. – 488 с.
Biruni Abu Rejhan. Pamjatniki minuvshih pokolenij / Abu Rejhan Biruni // Izbrannye proizvedenija. – T. 1. – Tashkent: Izd-vo ANUzSSR, 1957. – 488 s.
2. Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. – Баку : Язычы, 1990. – 744 с.
Koran / Per. I. Ju. Krachkovskogo. – Baku : Jazychy, 1990. – 744 s.
3. Ермаков Д. В. Хадж / Д. В. Ермаков // Ислам: энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1991. – С. 261.
Ermakov D. V. Hadzh / D. V. Ermakov // Islam: jenciklopedicheskiy slovar'. – M. : Nauka, 1991. – S. 261.
4. Ибн Хишам. Жизнеописание пророка Мухаммада / Ибн Хишам / Пер. с араб. Н. А. Гайнулина. – М. : Умма, 2002. – 485 с.
Ibn Hisham. Zhizneopisanie proroка Muhammada / Ibn Hisham / Per. s arab. N. A. Gajnulina. – M. : Umma, 2002. – 485 s.
5. Крачковский И. Ю. Памяти Хр. Снука Хюргронье, почетного члена Академии наук СССР (8 II 1857–26 VI 1936) / И. Ю. Крачковский // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. V. – М. – Л. : АН СССР, 1958. – С. 386–396.
Krachkovskij I. Ju. Pamjati Hr. Snuka Hjurgron'e, pochetnogo chlena Akademii nauk SSSR (8 II 1857–26 VI 1936) / I. Ju. Krachkovskij // Krachkovskij I. Ju. Izbrannye sochinenija. T. V. – M. – L. : AN SSSR, 1958. – S. 386–396.
6. Микульский Д. В. Август Мюллер: «устаревший» и новый / Д. В. Микульский // ППС. – 2005. – Вып. 102. – С. 104–111.
Mikul'skij D. V. Avgust Mjuller: «ustarevshij» i novyj / D. V. Mikul'skij // PPS. – 2005. – Vyp. 102. – S. 104–111.
7. Мюллер А. История ислама: От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов / А. Мюллер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004. – 911 с.
Mjuller A. Istorija islama: Ot doislamskoj istorii arabov do padenija dinastii Abbasidov / A. Mjuller. – M.: ООО «Izdatel'stvo Astrel»: «Izdatel'stvo AST», 2004. – 911 s.
8. Велльхаузен Юлиус. Арабский халифат. Золотой век ислама / Ю. Велльхаузен / Пер. с англ. Т. М. Шуликовой. – М. : Центрполиграф, 2018. – 315 с.

- Vell'haufen Julius. Arabskij halifat. Zolotoj vek islama / Ju. Vell'haufen / Per. s angl. T. M. Shulikovoj. – M. : Centrpoligraf, 2018. – 315 s.
9. Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата / В. В. Бартольд. – М. : Вост. лит., 2002. – 784 с.
- Bartol'd V. V. Raboty po istorii islama i Arabskogo halifata / V. V. Bartol'd. – M. : Vost. lit., 2002. – 784 s.
10. Уотт У. М. Мухаммад в Медине / У. М. Уотт / Пер. с англ. – СПб. : ДИЛИА, 2007. – 480 с.
- Uott U. M. Muhammad v Medine / U. M. Uott / Per. s angl. – SPb. : DILJa, 2007. – 480 s.
11. Грюнебаум Г. Э. фон Классический ислам. Очерк истории (600–1258) / Г. Э. Грюнебаум / Пер. с англ. И. М. Дижур. – М. : Наука, 1986. – 216 с.
- Grjunebaum G. Je. fon Klassicheskij islam. Ocherk istorii (600–1258) / G. Je. Grjunebaum / Per. s angl. I. M. Dizhura. – M. : Nauka, 1986. – 216 s.
12. Большаков О. Г. История халифата Т. 1 : Ислам в Аравии (570–633) / О. Г. Большаков. – М. : Наука, 1989. – 312 с.
- Bol'shakov O. G. Istorija halifata. T. 1 : Islam v Aravii (570–633) / O. G. Bol'shakov. – M. : Nauka, 1989. – 312 s.
13. Пиотровский М. Б. Ибрагим / М. Б. Пиотровский // Ислам: энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1991. – С. 87–88.
- Piotrovskij M. B. Ibrahim / M. B. Piotrovskij // Islam: jenciklopedicheskij slovar'. – M. : Nauka, 1991. – S. 87–88.
14. Paret R. Ibrahim / R. Paret // Encyclopaedia of Islam V. III. – Leiden : Brill, 1986. – P. 386–396.
15. Рамадан Т. По стопам Пророка: уроки из жизни Мухаммада / Т. Рамадан / Пер. с англ. – М. : Слово без границ, 2015. – 304 с.
- Ramadan T. Po stopam Proroka: uroki iz zhizni Muhammada / T. Ramadan / Per. s angl. – M. : Slovo bez granic, 2015. – 304 s.
16. ас-Саляби Али Мухаммад. Жизнеописание Пророка. Изложение событий и их анализ Т. 1 / А. М. ас-Саляби / Пер. с араб. Е. Сорокоумовой. – М. : Аль-Китаб, 2012. – 624 с.
- as-Saljabi Ali Muhammad. Zhizneopisanie Proroka. Izlozhenie sobytij i ih analiz T. 1 / A. M. as-Saljabi / Per. s arab. E. Sorokoumovoij. – M. : Al'-Kitab, 2012. – 624 s.
17. Ефремова Н. В., Ибрагим Т. К. Жизнь пророка Мухаммада / Н. В. Ефремова, Т. К. Ибрагим. – М. : Научно-издательский центр «Ладомир», 2009. – 1062 с.
- Efremova N. V., Ibragim T. K. Zhizn' proroka Muhammada / N. V. Efremova, T. K. Ibragim. – M. : Nauchno-izdatel'skij centr «Ladomir», 2009. – 1062 s.
18. Климишин И. А. Календарь и хронология / И. А. Климишин. – М. : Наука, 1985.
- Klimishin I. A. Kalendar' i hronologija / I. A. Klimishin. – M. : Nauka, 1985.
19. Тора. Пророки, Писания и Новый Завет. – Иерусалим : Израильская ассоциация по распространению Библейских писаний, 1992. – 1018 с.
- Tora. Proroki, Pisanija i Novyj Zavet. – Ierusalim : Izrail'skaja asociacija po rasprostraneniju Biblejskih pisanij, 1992. – 1018 s.
20. Пиотровский М. Б. Коранические сказания / М. Б. Пиотровский. – М. : Наука, 1991. – 219 с.
- Piotrovskij M. B. Koranicheskie skazanija / M. B. Piotrovskij. – M. : Nauka, 1991. – 219 s.
21. Ибн Касир. Толкование Корана в 4-х т. – Т. III / Ибн Касир / Пер. с араб. А. А. Шипиловой. – М. : Аль-Китаб, 2015. – 640 с.
- Ibn Kasir. Tolkovanie Korana v 4-h t. – T. III / Ibn Kasir / Per. s arab. A. A. Shipilinoj. – M. : Al'-Kitab, 2015. – 640 s.
22. Ибн Касир. Рассказы о пророках / Ибн Касир / Пер. с араб. и коммент. А. Нирша. – М. : Эксмо: Умма, 2017. – 1024 с.
- Ibn Kasir. Rassказы o prorokah / Ibn Kasir / Per. s arab. i komment. A. Nirsha. – M. : Jeksmo: Umma, 2017. – 1024 s.
23. Гойтейн Д. Ш. Евреи и арабы. Их связи на протяжении веков / Пер. с англ. Н. Б. Кондыревой. – М. – Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2001. – 286 с.
- Gojtejn D. Sh. Evrei i araby. Ih svjazi na protjazhenii vekov / Per. s angl. N. B. Kondyrevoj. – M. – Ierusalim: Mosty kul'tury, Gesharim, 2001. – 286 s.
24. Ибрагим Т. К. Коранический гуманизм / Т. К. Ибрагим. – М. : ИД «Медина», 2015. – 576 с.

- Ibragim T. K. Koranicheskiy gumanizm / T. K. Ibragim. – М. : ID «Medina», 2015. – 576 s.
25. Циркин Ю. Б. Мифы Финикии и Угарита / Ю. Б. Циркин. – М. :ООО «Издательство АСТ»; ООО «Астрель»; ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русанова», 2000. – 480 с.
- Cirkin Ju. B. Mify Finikii i Ugarita / Ju. B. Cirkin. – М. :ООО «Izdatel'stvo AST»; ООО «Astrel»; ЗАО «Redakcionno-izdatel'skij kompleks Rusanova», 2000. – 480 s.
26. Шифман И. Ш. Древняя Финикия – мифология и история / И. Ш. Шифман // Финикийская мифология. – СПб. : «Летний сад», Журнал «Нева», 1999. – С. 185–324.
- Shifman I. Sh. Drevnjaja Finikija – mifologija i istorija / I. Sh. Shifman // Finikijskaja mifologija. – SPb. : «Letnij sad», Zhurnal «Neva», 1999. – S. 185–324.
27. Хусс В. История карфагенян / В. Хусс / Пер. с нем. Ю. Б. Циркина. – СПб. : Нестор-История, 2015. – 448 с.
- Huss V. Istorija karfagenjan / V. Huss / Per. s nem. Ju. B. Cirkina. – SPb. : Nestor-Istorija, 2015. – 448 s.
28. Тантлевский И. Р. История Израиля и Иудеи до разрушения Первого Храма / И. Р. Тантлевский. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 402 с.
- Tantlevskij I. R. Istorija Izrailja i Iudei do razrushenija Pervogo Hrama / I. R. Tantlevskij. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. – 402 s.
29. ал-Бухари. Сахих / ал-Бухари / Пер. с араб. В. А. Нирша. – М. : Умма, 2005. – 959 с.
- al-Buhari. Sahih / al-Buhari / Per. s arab. V. A. Nirsha. – М. : Umma, 2005. – 959 s.
30. Аляутдинов Ш. Перевод смыслов Священного Корана / Ш. Аляутдинов. – СПб. : «Издательство «ДИЛЯ», 2017. – 1792 с.
- Aljautdinov Sh. Perevod smyslov Svjashhenogo Korana / Sh. Aljautdinov. – SPb. : «Izdatel'stvo «DILJa», 2017. – 1792 s.
31. Хишам ибн Мухаммад ал-Калби. Книга об идолах (Китаб ал-аснам) / Хишам ал-Калби / Пер. с араб., пред. и прим. В. В. Полосина ; отв. ред. П. А. Грязневич. – М. : Наука, ГРВЛ, 1984. – 64 с.
- Hisham ibn Muhammad al-Kalbi. Kniga ob idolah (Kitab al-asnam) / Hisham al-Kalbi / Per. s arab., pred. i prim. V. V. Polosina ; otv. red. P. A. Grjaznevich. – М. : Nauka, GRVL, 1984. – 64 s.
32. Аляутдинов Ш. Все о мусульманском посте и Курбан-байраме / Ш. Аляутдинов. – СПб. : «Издательство «ДИЛЯ», 2013. – 320 с.
- Aljautdinov Sh. Vse o musul'manskom poste i Kurban-bajrame / Sh. Aljautdinov. – SPb. : «Izdatel'stvo «DILJa», 2013. – 320 s.
33. Муслим. Сахих: Краткое изложение, составленное имамом аль-Мунзири / Муслим / Пер. с араб. В. А. Нирша. – М. : Умма, 2011. – 1216 с.
- Muslim. Sahih: Kratkoe izlozhenie, sostavlennoe imamom al'-Munziri / Muslim / Per. s arab. V. A. Nirsha. – М. : Umma, 2011. – 1216 s.
34. Лэйн Э. У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. / Э. У. Лэйн. – М.: Наука, 1982. – 436 с.
- Ljejn Je. U. Nravu i obychai egiptjan v pervoj polovine XIX v. / Je. U. Ljejn. – М.: Nauka, 1982. – 436 s.
35. Резван Е. А. ИД ал-АДХА / Е. А. Резван // Ислам: энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1991. – С. 88.
- Rezvan E. A. ID al-ADHA / E. A. Rezvan // Islam: jenciklopedicheskiy slovar'. – М. : Nauka, 1991. – S. 88.
36. Ханмагомедов Я. М. Хадж: происхождение и сущность / Я. М. Ханмагомедов // Исламоведение. – 2009. – №1. – С. 25–39.
- Hanmagomedov Ja. M. Hadzh: proishozhdenie i sushhnost' / Ja. M. Hanmagomedov // Islamovedenie. – 2009. – №1. – S. 25–39.
37. аль-Мансури И. Мусульманские праздники и обряды / И. аль-Мансури. – «Леном», 1998. – 176 с.
- al'-Mansuri I. Musul'manskije prazdniki i obrjady / I. al'-Mansuri. – «Lenom», 1998. – 176 s.

Spivak I. A. Eid al-adha: debates, meaning and rules of holiday

The process of Muslim ceremonies' formation had been proceeding under conditions of acute polemics between dawning Islam, heathens and representatives of Judaic and Christian tradition. The reconsideration of heathen rituals of pilgrimage to the sacred shrines of Mecca and establishment of Islamic ritual of the Hajj by Prophet Muhammad was one of the results of this polemic. Culmination of these rituals became feast of sacrifice, associated with the legend about Ibrahim's sacrifice. The analysis of available sources on Farewell pilgrimage of the Prophet and calendar reform that returned Muslims to the lunar timing system suggests a conclusion that the main factor to affect the final establishment of Hajj rites was polemics with Jewdwelling on the territory of Arabia. Comparison of Jew tradition of Abraham's sacrifice and Muslim legend of Ibrahim, analysis of available data on bloody sacrifices of Arabian heathens reveals religious meaning of Muslim sacrifice rite. Research of development of the Ibrahim's sacrifice legend in Koran commentator's tradition directs to conclusion that the question about Ismail and Isaac «who was meant to be sacrificed?» becomes of the main significance in further polemics with Jew. The analysis of arguments suggested by Muslim polemicists shows the importance of this question to the Muslim tradition.

Keywords: sacrifice, Ibrahim, expiation, Ismail, Isaac, Jew, Muhammad, polemics, tradition.